

Ханс-Хейнрих Нольте

Европейский Союз и его место в современной мировой системе (world-system)

Посвящается моему другу Гельмуту Блею

Мировая система (world-system) как многоплановая концепция

Идущая в мире глобализация со всей очевидностью показала, что старая концепция международных отношений уже не может рассматриваться в качестве надежного инструмента, когда речь идет об исследовании того, что происходит в мире сегодня. Да и сами «нации» перестали быть единственными, а в некоторых областях политики – и доминирующими участниками политической игры, тогда как политические решения, принятые двумя или более нациями, уже не представляют собой ту основу, на которой международное сообщество склонно принимать свои решения. Наднациональные организации – такие, как ГАТТ и ВТО или НАТО и ЕС, – превратились в важных участников происходящих в мире процессов, а неправительственные организации, подобные Красному Кресту или Гринпис, приобрели международное влияние, сопоставимое с тем, которым пользуются церкви и профсоюзы; большой бизнес действует за пределами национальных границ, – чем он, впрочем, занимался на протяжении столетий, – а потоки капитала за секунды пересекают земной шар во всех направлениях со скоростью, которая была немыслима до изобретения современных средств передачи информации, – не оставляя национальным парламентам времени даже на то, чтобы собраться на очередное заседание. В то же самое время политическая наука сочла за благо отречься от своих претензий на всеведение в вопросах

политики, а «поворот в культуре», наблюдаемый в общественных науках, привел к тому, что на передний план в исследованиях, вновь обретя свою важность, опять вышли религия и этничность, менталитет и мышление. Теперь уже представляется бесспорным, что мы сможем осознать происходящее, только когда различные отрасли науки начнут между собой успешно сотрудничать. Но это едва ли произойдет, если старые научные дисциплины будут по-прежнему держаться особняком друг от друга (Wallerstein 1996). Мы чувствуем, что происходит нечто действительно новое, но, поскольку нами это еще не постигнуто (как, совершенно очевидно, не постигается сразу ничто действительно новое) – приходится использовать опыт, накопленный с помощью разных научных подходов. В то же время испарилась уверенность в том, что структурные изменения происходят достаточно быстро. Чем, может быть, в известной степени и оправдывается то, что на столь широкую тему, как место ЕС в мировой системе, пишет историк – вместо того, чтобы изучать, роаясь в архивах, какой-нибудь узкий сюжет – как ему, по мнению большинства людей, и пристало. А также объясняется, почему излагаемая автором история уходит столь далеко в прошлое, заглядывая, во-первых, в историю немецкой историографии, дабы читатель смог найти в ней свое место, а затем – в историю Европы вплоть до средних веков, когда начала свое существование Европейская Система.

Историки моего поколения, родившиеся в той же стране, что и я (а появился на свет я в 1938 г. в Германии), осваивая свое ремесло, учились тому, как «понимать» исторические явления, как понимать историю («*Verstehen der Geschichte*») в традициях Ранке и Дилтея (Faber 1971, p. 109-146), а в моем конкретном случае – в традициях моего ученого наставника Рейнхарда Виттрама (Wittram 1958). На этой стезе мною была проделана определенная работа – по большей части в ходе подготовки докторской диссертации, что подразумевало чтение источников, их перевод и интерпретирование, создание источниковедческой терминологии, а также разработку и в конечном счете написание истории «моего» предмета (Nolte 1969). Но такой подход представлялся недостаточным, главным образом потому, что моя политическая деятельность (связанная с германскими либералами, а потом социал-демократами), по крайней мере внешне, ограничивалась сферой, не имевшей ничего общего с работой в университете, а позднее в Институте истории им. Макса Планка в Геттингене.

Но многие историки, интерпретировавшие не связанные между собой источники с помощью «Verstehen», на деле излагали свои истории в русле неписаных или писаных национальных правил, или, иными словами, концептуализировали историю, фокусируя ее на идее национальной идентичности, как это велось веками. Даже пройдя через бедствие нацизма, германские историки продолжали строить свои рассуждения все в том же национальном ключе (Ritter 1946, Heimpel 1995). Поворот ко всеобщей (или, по крайней мере, европейской) истории представлялся жизнеспособной альтернативой: говоря словами Виттрама, во времена национального бедствия мы, немцы, обращаемся к космосу (Wittram 1958, p. 18, Heub 1969). Но такого предмета академических исследований, как «всеобщая история», в Германии просто не существовало (Schulin 1974, p. 12). Мое решение заняться историей Восточной Европы, по правде говоря, тоже имело национальные политические корни – оно было вызвано желанием понять «другую» сверхдержаву, оккупировавшую треть моей страны. Но для того, чтобы это занятие стало моей профессией, нужно было овладеть «Verstehen», освоить язык и культуру, изучить историю. Разумеется, Гегель и Маркс составляли часть «языка» Восточной Европы, начиная с XIX в., и Виттрам (лютеранин, временами националист, немец из Латвии) призывал своих студентов относиться к аргументам советских и гэдээровских коммунистов со всей серьезностью (Wittram 1969). Для моей же докторской диссертации он рекомендовал тему, весьма далекую от моих политических интересов – XVII столетие.

Вероятно, прежде всего в трудах Э. Карра (Carr 1961, а также Bloch 1949) я почерпнул убеждение в том, что для того, чтобы множество (на деле бесчисленное множество) идеографических истин, открываемых вами, смогло обрести смысл, прежде всего следует объяснить, почему вы выбрали для исследования именно эту тему. В этом и состояла связь между интересом к истории и поиском фактов. Мой интерес к Советскому Союзу и трудности, с которыми я столкнулся, работая над этой темой как историк, заставили меня заняться советской историографией и слабыми местами советского марксизма в его анализе германской угрозы Восточной Европе (Nolte 1975). В моей истории советской историографии немецкого «дранг нах Остен» можно прочесть, что для того, чтобы легитимизировать революцию в относительно отсталой стране, советская историография постоянно преуменьшала различия между демок-

ратическими и фашистскими капиталистическими обществами, вплоть до отрицания очевидных фактов.

В любом случае, начиная работу над источниками, следует попытаться определить, в чем состоит ваш интерес к данному вопросу, чтобы затем оформить систему своих взглядов на проблему. Меня, в частности, интересовала структура Советского Союза, определявшая его отношения с Германией, его поведение в политике и роль сверхдержавы, самолично взятая на себя этой страной в то время, как она во многом оставалась «развивающейся» (в чем я воочию убедился, посещая ее в 1960-е гг.). Теория «тоталитаризма», напрашивавшаяся сама собой (Fitzpatrick 2000, p. 1-11), меня не убеждала – и не только потому, что с помощью этой концепции было невозможно понять существующие источники¹, но также и потому, что нацистскую Германию, согласно моему пониманию, нельзя было включить в одну категорию с Советским Союзом, приклеив к ним одинаковый ярлык. Вступить в ряды «ревизионистов» было тоже затруднительно, поскольку идеология сохранила для меня свою важность. Поэтому по отношению к советской политике мною был применен подход по принципу «групп интересов», и, как мне кажется, в своем анализе, опубликованном в 1979 г., я не слишком уклонился от истины, считая, что СССР не сможет продолжать «внешнюю» политику разрядки международной напряженности, избегая при этом «внутренних последствий» разоружения; более того, я полагал, что осуществление разоружения потребует внесения изменений в советскую политическую систему (Nolte 1979, p. 134). Расставить точки над *i* помогла концепция мировой системы.

Что такое система? Хейзел Хендерсон характеризует устойчивую систему как «внутренне динамичную, но устойчивую структуру, сохраняемую и управляемую с помощью контуров отрицательной обратной связи», а неустойчивую систему – как систему «внутренне динамическую и структурно динамическую, управляемую с помощью контуров положительной обратной связи, которые могут усиливать небольшие начальные отклонения, превращая их в непред-

¹ Интерпретация, которую термин «тоталитаризм» предлагал для Советского Союза, была настолько далека от содержания текстов, приходивших из Советского Союза, что читать их было попросту невозможно. Разумеется, это не ниспровергало теорию как таковую, но делало невозможным для историка прочтение текстов с помощью данной теории.

сказуемо большие отклонения, иногда способные превысить критический уровень, что переводит систему в новое структурное состояние» (Henderson 1996, p. 14). Системы имеют границы, в которых доминируют «контуры обратной связи», что означает для человека, действующего в рамках данной системы, необходимость принимать во внимание существование этих обратных связей. Но системы можно изменить.

Эммануэль Валлерстейн был первым, кто проанализировал Европейский мир в начале новой истории как систему с определенными, но расширяющимися границами, где в межрегиональном разделении труда существовали контуры обратной связи (Wallerstein, 1974 ff.) В его труде использовалась как теория зависимости, так и исследования, проведенные в области неравномерности развития «Школой анналов» и польскими учеными, среди которых выделяется Мариан Маловист (Adamczyk 2001a). Немецкому читателю это, разумеется, в известной степени напомнит Дехайо (Dehio 1948) и Рейна (Rein 1953), работы которых мы читали в бытность свою студентами, а также фон Тунена, о ком мы слышали на уроках географии в школе (хотя, по правде говоря, я понял это лишь много позже, читая Нитца (Nitz 1993). Концепция Валлерстейна была новой и творческой в том, что касалось трактовки различных систем организации труда в период экспансии европейских держав в XVI-XVII вв. – возникновения массового рабства в колониях и свободного труда в Нидерландах и Англии, равно как и издольных промежуточных экономик (охарактеризуем их так для краткости) – в качестве функциональных факторов нарождавшейся тогда мировой экономики, совместно организуемой и управляемой элитами ведущих стран и, безусловно, транснациональными компаниями, существовавшими в те века. Польша, где крепостной труд был внедрен в XV в., экспортировала на Запад сырье (зерно) и хорошо вписывалась в модель периферийной страны, во многом структурно аналогичной территориям Карибского бассейна.

Убедительность концепции усиливалась тем, что в ней акцентировалась идея Броделя о „longue duree” (долговременности). На поверхности происходит очень много сиюминутного и преходящего. Но структуры имеют тенденцию к неизменности, пока системы сохраняют свою устойчивость. По крайней мере, структуры не изменяются столь быстро, как

полагают некоторые завоеватели-националисты и кое-кто из революционеров – будь то либералы или социалисты.

По моему мнению, некоторые перемены лишь увеличивали дидактический потенциал концепции Валлерстейна. Аналитическое использование концепции показывает, что периферийные общества создают весьма ограниченные возможности и для политически мощных групп, и для рядовых граждан. Но, поскольку великие державы «европейского концерта» – такие, как Россия или Пруссия, – располагались именно на периферии, их влияние остается необъясненным. Россия XVIII в. была одним из сильнейших участников «европейского концерта держав», хотя в соответствии с показателями Валлерстейна – закрепощением труда и экспортом сырья – она представляла собой периферийную страну (или страну, только что вышедшую на эту периферию). Поэтому в 1960 г. (Nolte 1982) я предложил задействовать и другие показатели, взятые из социальной, политической, религиозной, интеллектуальной и военной истории. Это предопределило появление еще одного определения: «полупериферия».

Следуя логике привнесения иных (или, скорее, большего числа) показателей – таких, как религия и наука, – я напрямую пришел к определению европейской мировой системы с помощью термина, звучавшего в средневековые времена как «Christianitas» – «христианский мир» (Ahrweiler, Aymard 2000), который окончательно сложился после провала всех попыток объединить христианство (по крайней мере, латинское христианство) в единую империю, будь то под эгидой императора или папы. Свою точку зрения я высказал в 1983 г. в небольшой книге «Один мир», говорившей о том, как «Европейский мир» стал расширяться, в основном опираясь на силу, и включать в себя весь «остальной мир» (Nolte 1995). Тем временем и сам Валлерстейн значительно переделал собственную концепцию, включив в нее показатели, относящиеся к истории мысли и науки (Wallerstein 1995). Со своей стороны, я постарался развить свои взгляды на непрерывность существования европейской мировой системы, начавшегося по завершении средневековья (Hroch 1996, p. 29–46), исходя при этом из присущего мне понимания системы не в качестве организма, где главную роль играла экономика, а как взаимосвязи, в которой отдельные личности своими действиями в рамках различных подсистем – например, в университетской системе, родившейся в XII в., или в «концерте держав» (Krüger 1996) – воздействовали на систему

в целом в той же степени, в какой они сами были сформированы своей принадлежностью к этой системе.

В контексте такой концепции европейского мира как «мировой системы» (которая была европоцентричной, поскольку рассматривала остальные «миры» лишь в качестве объектов экспансии европейских держав или поселенческих колоний – таких, как США) имелось достаточно места и для моих исследовательских начинаний, например, перевода трудов Валлерстейна и редактирования его книг, выходявших в Германии, а также попыток внести кое-какие собственные пояснения в историю войн и гражданского неповиновения на мировом уровне (Nolte, Nolte 1984) и в историю германской политики в Восточной Европе во время второй мировой войны (Nolte 1992, p. 75-83). Что же касается методологии, то мне стало ясно, что, поскольку никто не в состоянии обрести «Verstehen» источников по целому ряду областей истории (вам не удастся правильно понять даже источники столетнего прошлого собственной страны, не изучив предварительно специальную методику, формулы риторики, значение слов и т. д.), то приходится организовывать соответствующее сотрудничество с коллегами, какой бы областью всемирной истории вы ни решили заняться (Nolte 1995a). Для проведения любых исследований мировых систем вам придется наладить научное сотрудничество и найти специалистов, работающих в других областях, но, тем не менее, готовых воспринять более общие интерпретации. Задача трудная, но многообещающая. Упомянутая концепция подтвердила свою ценность, разъяснив историю читающей немецкой публике (вернее, малой ее части) и – как, по-видимому, свидетельствуют ее переводы на многие языки – некоторым людям за пределами Германии (опять же, их число крайне незначительно).

Включение анализа мировых систем во вновь создающуюся всемирную историю представляется очевидной необходимостью (Rothermund 1998). Разумеется, суть не в том, что с помощью этой концепции удастся найти ответ на все вопросы, а в том, чтобы стало правилом всякий раз спрашивать себя – а какие, собственно, явления можно истолковать, обратившись к ней? Каким образом системные связи воздействуют на условия, при которых некто творит историю в данной конкретной стране? Что можно характеризовать как местные, региональные или присущие этой стране особенности – и где становятся видимы условия, характеризующие существование

более широкого контекста? Какие из этих условий можно назвать внутренними, а какие – привнесенными извне? И какие из упомянутых привнесенных условий являются системными по характеру и «автоматически» влекут за собой санкции?

Пример тому можно найти в попытках определить место Германии в общемировой картине миграции населения (Nolte 1995a). Когда знакомишься со многими из статей, составивших этот том, и, разумеется, читаешь материалы на близкие темы, а также изучаешь источники, становится ясно, что между представлениями голландцев о немцах, живших в Нидерландах в XVII – первой половине XIX в. (и бывших там в основном наемными рабочими), и представлениями немцев о поляках, живших в Германии во второй половине XIX – XX в. (также в основном наемной рабочей силой), существовало много общего. Исходя из определения, предложенного Карлом-Гансом Гауптмейером, согласно которому северо-западная Германия в начальный период новой истории представляла собой полупериферийную территорию (Hauptmeyer, 2001), можно было сделать вывод, что образы соседей хорошо интерпретируются, будучи рассмотрены как часть истории системы – они предстают образами наций, но, судя по содержащимся в них характеристикам, образами наций достаточно «отсталых» для того, чтобы их представителей можно было нанять задешево, и в тоже время достаточно близких во многих отношениях, чтобы «рекрутировать» их, коль скоро это окажется прибыльным, для использования на рынке рабочей силы. Образ этот отображал людей глупых, грязных и ленивых, с архаичными гендерными ролями – людей, и дорогу-то толком не знающих как проложить. Существовали, разумеется, и важные различия: в распространенном среди немцев XIX века образе поляков имелся расистский элемент, отсутствовавший в голландском представлении о немцах начального периода новой истории (конечно, кое-кто может пошутить, что у голландцев на сей предмет была Капская колония). На образ соседей в Германии влияло все возмраставшее воздействие социал-дарвинизма на систему в целом, а также явственно прусская мечта о том, чтобы Польша прекратила свое существование (Nolte 2001).

Немного истории

Западная Европа в качестве центра. Восток – полупериферия

Как следует понимать термин «Европа»? Зная меня как историка Восточной Европы, можно было бы предположить, что я предложу рассматривать Восточную Европу – или по крайней мере «Восток Востока», «православный мир» – как особый «мир». Мне, однако, кажется, что, применительно к структуре Европы, наибольшим потенциалом обладает ее трактовка с помощью модели центра и окружностей. Эта модель была предложена Иоганном Генрихом фон Туненом в 1826 г. (Nitz 1993) и использовалась, в основном, применительно к сельскохозяйственной продукции, стоимость которой была различной в зависимости от транспортных расходов, определявшихся способом транспортировки (водный или наземный транспорт), где общее правило состояло в том, что чем дальше от центра располагалось производство, тем выше становились расходы. Это, в свою очередь, определяется правилом, гласящим, что высокие показатели отношения площади сельхозугодий к численности рабочей силы и крупные капиталовложения приносят прибыль поблизости от центра, а не на периферии. В его конкретной модели сельское хозяйство, основанное на травопольном севообороте, оказывалось прибыльным вблизи от центра, тогда как животноводство было жизнеспособным на периферии; система трехполья наиболее подходила для промежуточных регионов.

Если мы бросим взгляд на Европу начального периода новой истории, то окажется, что там существовала именно такая дифференциация: травополье и отгонное животноводство были распространены в большинстве районов Англии, а также в Северных и Южных Нидерландах, трехполье доминировало к востоку от границ Голландии и по периферии (от Ютландии до Украины, от Татари и Венгрии до Испании, Шотландии и Ирландии); что же касается животноводства, то оно господствовало там, где на продажу в центре выращивался крупный рогатый скот или существовало шерстоносное овцеводство.

Эммануэль Валлерстейн расширил эту концепцию и адаптировал ее к миру, где сельскохозяйственное производство уже не преобладает. Товары производятся по цепочке. В начальный период новой истории лен из России превращался

в полотно на прядильнях Гарлема, перец из Индонезии и сахар с Карибских островов закупаются компаниями, чьи управления размещались в Амстердаме или Лондоне, и с большой прибылью продавался в Польше или Мекленбурге. Люди, руководящие производственными цепочками и организующие торговлю, живут в центре – точнее же, центр там, где они живут. Для Валлерстейна другие земли – экспортировали ли они зерно, как Польша, или сахар, как Барбадос, – составляли периферию.

Фактически, привнося религиозные, интеллектуальные, политические и социальные показатели, я пришел к тому, чтобы определять Европу в начальный период новой истории в качестве единой системы с центром на северо-западе и полупериферией экономически «отсталых», но политически суверенных государств, простиравшуюся до границ того, что считалось «Christianitas», а также периферией, состоявшей из территорий политически зависимых от центра, т. е. колоний. Ниже я привожу ряд особенностей, характеризовавших систему (Nolte 1995).

1. Система строилась на правилах соперничества, накоплении опыта, экспансии и иерархии. Решающим было то, что никому и никогда не удалось построить всеобъемлющую империю – ни Юстиниану, ни Отгону III, ни Карлу V, ни Наполеону, ни Гитлеру. Но, с другой стороны, она оставалась системой: весь христианский мир был охвачен сетью многосторонних институтов – например, каноническое право использовалось для управления церквями от Греции до Ирландии. Однако сохранилась и внутренняя иерархия: полупериферийные регионы экспортировали сырье по ценам, определяемым высоким соотношением между весом продукции и ее стоимостью (шерсть, зерно, древесина, лен), а центр экспортировал услуги (морские перевозки, финансирование) и готовые изделия (текстиль, оружие).
2. Все суверенные государства в рамках «концерта держав» раннего периода новой истории (т. е. все способные вести войны) принадлежали к системе. Это означает, что вся Восточная Европа представляла собой часть системы, пока сохраняла свой суверенитет. Поскольку в данном плане систему нельзя четко дифференцировать от того, что существовало в средние века, проведя некий временной рубеж, мы можем предположить, что Европа как система

возникла, когда «варварские» королевства (германские и славянские) или их наследники (например, Франция и Польша) смогли покончить с претензиями со стороны универсалистской власти (Империи и Церкви). Это предполагает, что указанное могло произойти уже тогда, когда ломбарды завоевали большую часть Италии в 568 г. (а Восточный Рим оказался не в состоянии ее отвоевать), или в 982 г., когда арабы нанесли поражение Оттону II в Южной Италии, а славяне на Эльбе освободились от германского владычества. Самое позднее, это событие следует датировать 1303 г., когда французы взяли римского папу в плен в Ананьи.

3. Границы этой системы менялись. Около 1000 г. они начинались от восточных рубежей «Imperium Romanum» (сегодня именуемым нами «Византийской империей») в Анатолии, пересекали Италию и северную Испанию и охватывали Ирландию, Скандинавию и Русь. Около 1300 г. Русь, завоеванная монголами, уже не входила в ее состав, зато Реконкиста успела вернуть к тому времени большую часть Испании. Около 1300 г. система простиралась от Атлантики до Урала (по определению Екатерины II) и ее окружала необъятная колониальная периферия, тянувшаяся от Канады до Сибири и от Карибского моря до Филиппин, однако Константинополь больше не был ее частью. Тем не менее, когда система приобрела светский характер в XIX в., Константинополь вернулся под ее крыло.
4. Центр системы тоже не стоял на месте. Сначала центрами были города. Около 1000 г., несмотря на значительные расходы, связанные с отвоеванием у болгар границы по Дунаю, Константинополь по-прежнему был крупнейшим городским центром христианского мира. Но сам центр «мигрировал» на запад, сместившись через Венецию и Флоренцию, Геную и Аусбург в Антверпен. Затем, в XVII в., северные провинции Нидерландов стали первой в истории страной-центром, уступив эту роль Англии в XVIII в.
5. Рамки политической власти внутри системы никогда не совпадали с общественно-экономическими внутренними границами. Страны, бывшие в общественно-экономическом отношении странами-центрами, часто оказывались вынуждены смириться с тем, что полупериферийные государства были сильнее их политически. Герцогство

Саксония – оплот империи Оттонов – в том, что касается экономики, будь то урбанизация или уровень технического развития, безусловно, отставало от Италии. В XVI в. Испания и Польша были крупными державами в рамках «европейского концерта», а в XVII в. этот статус приобрела Швеция. В XVIII и XIX вв. целых три державы из «большой пятерки» были полупериферийными: Австрия, Пруссия и Россия.

6. Далее мы остановимся на том, насколько важной в действительности была граница, возникшая в результате церковного раскола 1054 г. (или же окрепшая благодаря ему). Но, прежде всего, с точки зрения, давно существующей на Западе, раскол имел огромную идеологическую важность: он легитимизировал завоевания земель (согласно церковной иерархии бывших диоцезом Константинополя) и передачу их Риму. Череда таких эпизодов началась с Южной Италии, где, следуя за флагом Византии (удерживавшей Бари вплоть до 1071 г.), константинопольский патриарх расширил свой диоцез на запад, в Апулию, и контролировал ее, пока норманны не отобрали южную Италию у арабов и Византии и не вернули «обе Сицилии» под власть римской церкви. Наиболее важным эпизодом был четвертый крестовый поход 1204 г., направленный против «Византийской» империи, когда в процессе, известном как «Partitio Romana», греческие владения в юго-восточной Европе оказались поделенными между латинскими державами. Но раскол также представлял собой и идеологический инструмент восточной экспансии Тевтонского ордена, а также польского набега на Киевскую Русь в XIII в. Литовско-польская экспансия в Белоруссии и на Украине в XIV в. де-факто создала «республику», ставшую одной из крупных европейских держав, и породила предпосылки для оформления в 1596 г. Брестской унии, расширившей римскую юрисдикцию еще дальше на восток.
7. Внутренняя общественно-экономическая иерархия так же непрерывно, хотя и очень медленно, изменяла свою структуру и географию. Взяв за показатель налоги, вводившиеся папой в Риме (поскольку там располагалось единственное учреждение, устанавливавшее их уровень и обеспечивавшее их собираемость) во времена позднего средневековья, мы обнаружим, что северная Италия и

западная Франция несли на себе большую часть этого бремени. В германских землях к востоку от Рейна размер папских налогов существенно снижался, а Польша их вообще не платила. Разумеется, деньги и влияние шли рука об руку, и те, кто платил больше, в большей степени и определял, кто правит в Риме и кто, в конечном счете, будет выбирать нового папу. В начальный период новой истории иерархия сместилась к северо-западу примерно на сто километров, образовав регион, простиравшийся от Флоренции и Милана через Аугсбург до Парижа и Лондона. Если мы перенесемся в современность, то увидим ту же самую картину. По большинству критериев (Inforegio 1999) юг Европы «беден» – более высокий процент населения занят там в сельском хозяйстве, там выше уровень безработицы, а число патентов на душу населения меньше. Если посмотреть на показатели валового национального продукта на душу населения и сравнить их со средними по Европе, то в Греции, Португалии и Испании они составят 67,5%, 70% и 78% соответственно. Эта тенденция особенно заметна на «юге юга» – в Эпире 43,8%, в Андалузии – 57,2% и в Алентеджо – 59%. Есть и исключения: регионы с развитой туристической экономикой и регионы с давней традицией миграций населения, например, миграций богатых граждан с севера на юг, где они оседают на жительство, отойдя от дел. Страны Восточной Европы, стремящиеся войти в ЕС, имеют уровни доходов еще ниже, чем на юге; в некоторых таких странах показатели ВВП на душу населения не достигают 30% от показателей по ЕС, и только в чешских землях и Словении они превышают 50%.

Возвышение Запада и США как сверхдержава

«Европа» – не как империя, а как система государств – знаменует собой один из величайших успехов в истории (North 1975, Rosenberg 1986). Многие знаменитые авторы создали пространные и неординарные труды, исходя именно из этого предположения (Polany 1957, Landes 1998, Diamond 1997); я же, опираясь на сделанное ими, в свой черед постарался развить собственные взгляды по данному вопросу (Nolte 1995). Вероятно, можно утверждать – и с этим во многом согласны упомянутые авторы, что именно сложный характер Европы, которую нельзя назвать ни империей, ни простым скоплением государств, и явил собой источник ее усиления и могущества. Эта

мощь и военное искусство сыграли, вне всякого сомнения, самую важную роль: только опираясь на военную силу, португальцам удалось изгнать с океанских просторов арабских и малайских моряков (Reinhard 1985, Tracy 1990). Только победив на поле боя, испанцы смогли завоевать империю инков, а процветание семи северных провинций Нидерландов зависело от их победы над Испанией и южными провинциями – победы, в результате которой стало возможным закрыть устье Шельды и превратить самый важный в XVI в. порт – Антверпен – в город, почти что отрезанный от моря (для сравнения см.: Konigsbrugge 1991). Но динамика, стоявшая за этими военными успехами, была внутреннего характера: непрерывное соперничество, ни на минуту не ослабевавший процесс изобретательства, постоянное накопление опыта научными учреждениями и производственными предприятиями. К концу XVIII в. возникает новый фактор, который мы обычно называем промышленной революцией, и запад континента, та его часть, что занималась мировой торговлей и шла по пути технологического обновления – опять получает заряд энергии.

Первое, что следует всегда помнить, так это то, что вперед вырвался именно Запад, центр системы. Восток отставал. Он не был абсолютно статичным; многие элементы развития наблюдались и там. Польша создала одну из первых парламентских конституций континента. Россия создала у себя железорудную промышленность, которая фактически способствовала индустриализации Англии, снабжая ее одним из самых важных предметов потребления. Роль России была неопределимой в обеих войнах за гегемонию в Европе: и Наполеон, и Гитлер потерпели поражение в России, тогда как и у того, и у другого имелись хорошие шансы создать империю и положить конец соперничеству между государствами. Но Восток при всей быстроте своего бега все же оставался отсталым. В системе тем временем наблюдались известные перемены. Надо иметь в виду, что до XIX в. «Восток» начинался по ту сторону голландской границы и по ту сторону Рейна, а это означало, что Северная Германия тоже была полупериферийной. Германии и Скандинавии в XIX в. удалось догнать центр. В ходе этого процесса границы «Востока» переместились к рубежам Германии и Финляндии (хотя Финляндия и пребывала в составе России). Но Восточная Европа, как и прежде, сохраняла свою отсталость.

Второе, что нужно иметь в виду, – это развитие США, бывшее во второй половине XIX в. еще более быстрым, чем развитие Европы.

Все европейские нации выгадали от экспансии. Экспансия приняла тогда две общие формы. Первая состояла в превращении завоеванных стран в экономическую периферию – будь то внутренняя периферия, например, Андалузия в составе Испании или Западная Польша в составе Германии (Nolte 1991), – или же периферия внешняя, например, французские колонии в Алжире или британские в Индии. Вторая форма экспансии приводила к созданию поселенческих колоний. Крупномасштабная эмиграция была выгодна для стран, откуда она направлялась, по нескольким причинам: в преимущественно аграрном обществе, где существует имманентная тенденция к аграрному перенаселению, эмиграция открывает предохранительный клапан, улучшая производительность сельского хозяйства уже тем, что делает более оптимальным соотношение между площадью сельхозугодий и численностью рабочей силы. Поселенцы быстро создавали рынки для товаров, производимых промышленностью тех стран, откуда они прибыли; довольно часто поселения давали странам-метрополиям и стратегические выгоды. Если в завоеванных странах накапливались богатства, существовала, кроме того, и возможность обратить золото и серебро, скажем, из Индии в капитал у себя дома (для сравнения см.: Becker 1999).

Возможности эмиграции представляли собой составную часть любой европейской экспансии, начиная с «Высокого средневековья», в «эпоху великих географических открытий» и вплоть до периода империализма XIX в. Они же способствовали возвышению европейских держав в случае с Германией и Испанией в XII-XIII вв.; с Польшей в XV-XVI вв.; с Испанией, Португалией, Англией и Россией в XVI-XVII вв. и т. д. Разумеется, все эти поселенческие колонии отличались одна от другой своей географией, а также экономическим и историческим контекстом. Иногда, например, в Испании к югу от реки Тахо, в Германии к востоку от Эльбы, а позднее – Одера, в России к югу от Оки и в Сибири или в Англии на ее ирландских территориях, новозаселенные регионы становились частью метрополий (данный процесс мог пойти и вспять, как в Германии к востоку от Одера, и в Англии, когда речь идет о южной Ирландии). В иных случаях, например, в Северной и Южной Америке или Австралии, поселения эволюциони-

ровали в суверенные государства. Наиболее мощным из этих переселенческих государств являются Соединенные Штаты Америки.

В географическом плане США довелось расположиться в одном из самых плодородных регионов земного шара, с удобными гаванями по берегам двух океанов и с богатыми, легко доступными залежами угля и железной руды и такими же нефтяными месторождениями. Индейские земли можно было занимать почти без затрат. Исторически США в том, что касается политического устройства, представляют собой порождение британской парламентской традиции, у которой американцы в ходе своей революции ампутировали голову в лице монархии. В области интеллектуальной на США значительное влияние оказывает шотландско-английская форма просвещения, уделяющая огромное внимание индивидуалистической рациональности и экспериментированию. В сфере экономики, вполне возможно, уже в XVIII в. население США добилось самого высокого уровня жизни в мире (White 1987). Защита американского рынка от конкуренции со стороны англичан с помощью высоких тарифов (Menzel 1993, p. 10-12) сделала возможным небывалый успех индустриализации Америки, так что уже в 1913 г. при уровне урбанизации лишь в 50% против 79% в тогдашней Англии Америка производила в стоимостном отношении половину машинного оборудования, выпускавшегося на тот момент в мире (Nolte 1993, p. 113). В 1913 г. на долю США также приходилось 31,4% от общемирового выпуска промышленной продукции, и, хотя Америка поздно вступила в войну, страна оказалась в состоянии потратить на свое участие в ней 17,1 млрд. долларов и занять третье место в мире по уровню военных расходов – после Британской империи, затратившей в целом 23 млрд., и Германии с ее 19,9 млрд. Россия, кстати, в 1913 г. произвела 9% от всемирного выпуска промышленной продукции и смогла потратить на войну 5,41 млрд. долларов (Kennedy 1989, tab. 18, 25). В плане экономики уже в 1913 г. США были самой мощной в мире державой, и их вмешательство в войну решило ее исход в пользу Антанты; тогда же президент США выступил с концепцией переустройства Европы на принципах самоопределения наций (скорее всего, не понимая, что его предложение, будь оно проведено в жизнь, привело бы к увеличению Германии, поскольку немцы в приграничных районах Чехо-

словакии, а также австрийцы проголосовали бы за присоединение своих земель к новой германской республике).

Политическая культура США, которая характеризовалась системой сдержек и противовесов, четко ограниченным сроком пребывания президента на своем посту и убежденностью в том, что государство должно способствовать торговле, но не должно вмешиваться в дела бизнеса, привела к уходу Америки из мировой политики и отказу от участия в Лиге Наций. Этот уход создал политический простор для наций, стремившихся к пересмотру Версальской системы и к построению новых империй с помощью молниеносных территориальных захватов – Италии, Японии и Германии. Когда Япония и Германия напали в 1941 г. на США, концепция, согласно которой национальным интересам Америки лучше всего служит отказ от активного участия в мировой политике, выявила свою несостоятельность. Поэтому еще в ходе второй мировой войны Америка решила привести свой вес на мировой арене в соответствие с мощностью, которой она располагала, как того требовали ее национальные интересы, но также исходя из убежденности в том, что путь демократического капитализма, избранный Америкой, будет наилучшим и для всего остального мира.

То, что в 1945 г. Советский Союз не согласился с американскими претензиями на лидерство, постарался остаться в стороне от мирового рынка и стремился создать свою собственную обособленную социалистическую систему (Dukes 2000), имеет ряд причин, уходящих корнями в европейскую и российскую историю, особенно важной из коих был советский милитаризм. Это привело к «холодной войне», вызвавшей в дальнейшем «имперское перенапряжение сил» у обеих противоборствующих сторон, которое оказалось непосильным именно для Советского Союза, сломавшегося в конце концов под бременем непомерно высоких военных расходов. В течение всей «холодной войны» европейские средние державы – Англия, Франция и Германия – играли свои особые роли в деле защиты Запада. После обвала 1989-1991 гг. роли эти исчезают. Сильнее всего случившееся затронуло Германию, для которой – парадоксальным образом – объединение означало утрату собственной значимости, и не только из-за расходов на реконструкцию Восточной Германии, бывших настолько высокими, что пришлось отложить на будущее инвестиции в новые прогрессивные секторы информацион-

ных технологий, но также и потому, что Германия не имела традиции осуществления полицейских операций на периферии – обязательного условия для всякой страны, стремящейся играть роль в мировой политике нового типа; не располагала она и вооруженными силами, соответствующими данной задаче. Но окончание „холодной войны“ сказалось и на остальной части Европы – мир отрешился от своей заикленности на делах старого континента, и одновременно с этим взлет значения „тихоокеанского мира“ от Японии до Китая усилил стратегические позиции США, чьи границы омываются как Атлантическим, так и Тихим океаном. Теперь, когда главный их конкурент выбыл из игры, США остались единственной сверхдержавой. Доля США в общемировом ВВП упала в 1996 г. примерно до четверти и в абсолютных показателях оказалась примерно равна совокупным показателям двух следующих за США экономически мощных держав – Японии и Германии, из чего следует, что на эти три страны приходилось около половины ВВП, производимого в мире (Fisher 1999, p. 1000). Тем не менее, США были страной, добившейся самых больших успехов в новом ведущем секторе экономики XXI в. – информационных технологиях.

Бежать быстрее и оставаться позади: Восточная Европа

Кольцевая модель объясняет многое, но не все. Существует ряд особенностей, характерных для всех восточно-европейских стран, но не для всех полупериферийных. И есть некоторые особенности, присущие значительной части Восточной Европы, но не всем областям этого региона мира. Самое значительное различие внутри Восточной Европы – это различие между Западом Востока Европы (ЗВЕ) и Востоком Востока Европы (ВВЕ). После выхода в свет великолепного труда Оскара Халецкого Запад Востока Европы стали называть еще и Востоком Средней Европы (ВСЕ), тем самым фактически смещая весь этот регион несколько на запад. Такое наименование во времена Халецкого, а также и в другие периоды истории (Scuss 1983) имело достаточно оснований, поскольку и Священная Римская империя, и Германская империя (после 1870 г.) утверждали о своем отличии от Западной Европы, претендуя на то, что представляют собой «Среднюю Европу». Но после второй мировой войны, потеряв все провинции на востоке и все многочисленные поселения от польской границы до Волги, Германия полностью связала себя

с Западом. Более того, поскольку Средняя Европа исчезла, говорить о Востоке Средней Европы стало как-то неубедительно.

Ниже мы приводим краткий обзор некоторых особенностей, присущих Восточной Европе и Западу Восточной Европы.

1. Самое явное историческое различие между полупериферийными странами на Западе и такими же странами на Востоке состоит в том, что соотношение между «старой» Европой и «новой» варварской Европой, христианизированной в средние века (Samsonowicz 2001), выше на Западе, чем на Востоке. На Западе фактически только Шотландия, Ирландия и Германия на восток от Рейна подпадают под вторую категорию, тогда как на Востоке «новой Европой» были Богемия, Венгрия, Польша, Россия, страны Балтии и германские территории, напрямую не связанные с Империей, например, Пруссия и Ливония. Особняком остаются скандинавские страны, но вплоть до XVIII в. такого понятия, как «Восток» Европы, в действительности не существовало, а был лишь «Север», охватывавший Скандинавию (Екатерину II иногда и сейчас по-прежнему именуют «Семирамидой Севера»). При такой дифференциации игнорируется и вопрос о том, насколько живуча была преемственность с Римом в Румынии после того, как римская провинция Дакия оставляется Империей в 271 г.
2. Самое явное географическое различие между Западом и Востоком в целом состоит в том, что Восточная Европа характеризуется все возрастающей к востоку удаленностью от моря, и эта черта, несомненно, отличает ее от Шотландии или Португалии. Это было особенно важно в плане торговли, поскольку транспортные расходы при перевозке товаров по суше оказывались выше, а в отдельные периоды истории – значительно выше, чем при морском варианте. Что делало интеграцию Восточной Европы в международное разделение труда задачей более дорогостоящей, чем в случае, например, Ирландии. Поскольку количество выпадающих в Европе осадков в целом также уменьшается с запада на восток, а климат становится более континентальным, Восток, как правило, засушливее и холоднее Запада, что в большинстве случаев приводит к уменьшению урожайности и повышает риск потери части урожая от засухи или ранних заморозков.

3. В этническом плане Восточная Европа характеризуется преобладанием славянских языков, тогда как в Западной Европе, за некоторыми исключениями, население говорит на романских или германских языках. «*Slavica non leguntur*» (на славянских языках не читают) – мало кто может выучить больше двух языков, а поскольку на Западе, чтобы не остаться в стороне от потока знаний, вам приходится освоить один романский и один германский язык, редкий человек здесь учит еще и какой-нибудь славянский язык. С другой стороны, люди из Восточной Европы, как правило, учат по крайней мере один, а иногда и два западных языка; таким образом, возникает интеллектуальный барьер. Кроме того, в Восточной Европе имеется еще ряд языков, не относящихся к индоевропейским: тюркских и финно-угорских, например. Все это усиливает «инакость» Востока.
4. В плане религиозном значительная часть Восточной Европы придерживается иной конфессии, чем та, что распространена на Западе. Разумеется, когда речь идет о каноническом праве, различия между греко-православным и латинским христианством не столь уж глубоки – многие структуры идентичны, одинаков и основной набор догматов – решения первых Церковных Соборов. Обе Церкви соблюдают правило, согласно которому иерархия институализируется решением самой иерархии (епископ рукополагается другим епископом по преемственности, идущей от апостолов). В юридической традиции Запада, разумеется, есть ряд особенностей помимо, например, вопроса о примате Папы. Но все эти различия явно не настолько принципиальны, как те, что существуют между двумя старыми христианскими Церквями и протестантизмом, который с точки зрения буквы церковного учения является не расколом, а ересью. Кроме того, в Восточной Европе более высок процент мусульман, изгонявшихся или убивавшихся на Западе, – различие, частично утратившее свою остроту в XX в., когда мусульманские иммигранты стали селиться в Париже, Лондоне или Берлине. И, что не менее важно, на протяжении столетий Восточная Европа имела гораздо более высокий процент еврейского населения – различие, ликвидированное с помощью геноцида, осуществлявшегося Германией (в то время страной центра!) в 1941-1945 гг.

5. В области социально-экономических показателей Восточная Европа в целом «беднее» Запада, будучи в этом отношении внутренне весьма дифференцированной опять же по линии восток – запад. Самым ярким примером тому может служить Польша, для которой характерен «восточный вал», в каких бы границах Польша ни существовала: до 1939 г. бедный польский Восток располагался к востоку от Буга, но, когда Польша сместилась на запад в 1944-1945 гг., бедным Востоком стали территории к востоку от Вислы (Topolski 1996). Говоря обобщенно, чем дальше на восток, тем ниже социально-экономические показатели. Поскольку это совпадает с линией, разделяющей «латинскую» и «греческую» Европу, общественно-экономический упадок стал как бы фоном, на котором с 1054 г. пролегла граница между Константинополем и Римом (разумеется, остается открытым вопрос о том, какое значение сохраняет до настоящего времени Уния 1596 г.).
6. Главной чертой, общей для всей Восточной (а кстати, и для «Средней») Европы и проистекающей из того факта, что Восток был и остается «бедным», является «необходимость» (и возможность) развить экономику, модернизироваться в самом непосредственном смысле слова, взяв западные, особенно голландские или английские, модели за образец. Случай с Россией – самый яркий тому пример, но, в конце концов, и любой другой стране за Ла-Маншем приходилось рано или поздно импортировать из Англии локомотивы, а потом делать еще один шаг и заменять импорт собственным производством. «Путь» такого развития был обозначен в свое время Листом для Германии: «воспитательные» (высокие) таможенные тарифы и государственные инвестиции в инфраструктуру, например, железные дороги. Проблема заключалась в том, что за немногими исключениями (Германия была в их числе) отстающие страны не смогли догнать передовые: бег их все убыстрялся и убыстрялся, но они оставались позади, ибо вся система развивалась с очень большой скоростью.
7. Но в политической истории случались и весьма важные «фоновые» казусы. В позднем средневековье державами, игравшими важную роль в европейской системе, были, в частности, Венгрия, Польша и Богемия. Временами Польша становилась значимым «исполнителем» в «европейском концерте держав». Политическая структура этих коро-

левств в значительной степени представляла собой функцию сословий и знати и олицетворяла их силу, позволявшую выжить парламентской системе. Агрессия со стороны Османской империи привела к разделу Венгрии между Стамбулом и Веной; раздел Богемии между протестантами и католиками привел к исчезновению автономии, которой страна эта пользовалась внутри Священной Римской империи, а Польшу почти что поделили во время «потопа» XVII в. Окончательно Польша была поделена между абсолютистскими державами – Пруссией, Россией и монархией Габсбургов – в конце XVIII в. Автономии знати и власти парламента в Восточной Европе пришел конец; мир этот был разрушен действиями абсолютистских держав. И когда в XX столетии в Версале регион Востока Средней Европы воссоздался как политическая реальность, новые нации по мере возможности постарались войти в русло давней традиции парламентской власти, утверждая, что их национальный характер помог им пронести через века соответствующую преемственность. Новый раздел (северной части) Востока Средней Европы между двумя диктатурами – Германией и Советским Союзом – в Мюнхене в 1938 г. и в Москве в 1939 г., разумеется, воспринимался в Праге как предательство со стороны Запада, но, что гораздо важнее, он полностью соответствовал старой модели разгрома демократических наций германскими и российскими диктаторами (хотя в 1938 г. к таким нациям доподлинно относилась только Чехословакия). Аналогичным же образом, когда Запад Востока был „советизирован“ в 1944-ом и в последующие годы после вступления туда Советской Армии, либералы этих стран снова почувствовали себя преданными и принялись проклинать культурные отличия, присущие Востоку Востока.

8. Германия, превратившаяся в страну центра, после того как оформилась в современную нацию-участника мировой системы 1870 г., попыталась в ходе второй мировой войны трансформировать полупериферийные страны к востоку от своих границ в колониальную периферию (Nolte 1992). «Россия – это наша Индия», – заявил Гитлер в 1941 г. (Ueberschär 1992). Планировалось не только превратить этот регион в зону принудительного производства сырья, но также основать там переселенческие колонии и сделать из местного населения скопище полуобразованных людей,

пригодных лишь к использованию на тяжелых работах в Рейхе. Германская оккупационная политика во всех завоеванных странах санкционировала не только геноцид в отношении евреев (Longerich 1998, Bartov 2000) и цыган, осуществленный почти на сто процентов, но и частичный геноцид еще ряда народов, например, поляков и белорусов (Michnjuk 1995). Идея, лежавшая в основе германской оккупационной политики, – голода и уничтожения некоторых объектов ее приложения – состояла в том, чтобы расчистить пространство для будущих поселенцев.

9. То, что Советский Союз силой навязал коммунизм странам, освобожденным Красной Армией от германского господства, значительно осложнило отношения между сторонами. Во время второй мировой войны СССР смог произвести большое впечатление на Запад великолепными экономическими достижениями, которые обеспечили ему успех в современной войне против Германии, хотя, конечно, одна из главных проблем советской экономики, а именно низкое качество потребительских товаров, в годы войны не принималась в расчет. В военном отношении Советский Союз был главным победителем 1945 года; его лидеры мыслили в категориях зон влияния и рассматривали страны, очищенные Красной Армией от вермахта, как свою собственность, немногим отличаясь в этом смысле от руководителей Великобритании. Советский Союз навязал коммунистические правительства всем этим территориям, за исключением Австрии и Финляндии. В 1950-е и 1960-е гг. многие европейцы все еще рассматривали коммунизм в качестве жизнеспособной альтернативы капитализму в странах «третьего мира». Может быть, скорее в традициях Листа, нежели Маркса, некоторые страны-члены СЭВ, например, Польша, были бесспорно индустриальными, чего они достигли, пройдя путем, близким к советскому, и используя для этой цели инструмент централизованной бюрократии. Тем не менее, в 1970-е и 1980-е гг. становилось все яснее, что коммунизм как экономическая система не только не смог догнать Центр, но и опять все более отставал от него по целому ряду отраслей, особенно в области высоких технологий. В то время это было еще не слишком заметно в самом СССР, поскольку повышение цен на нефть обернулось для него большими прибылями; можно сказать, что нечаянные прибыли так и сыпались на него с мирового рынка,

позволив даже субсидировать других членов СЭВ, надолго задерживая корректировку тарифов в соответствии с ростом цен на нефть. Но одновременно эти нечаянные прибыли явно ослепили и само руководство СССР, в милитаристских российских традициях попытавшееся достичь «паритета» с США и растратившее свои ресурсы в гонке вооружений вместо того, чтобы непрерывно вкладывать средства в промышленность для удовлетворения потребительского спроса (Nolte 1998). В дальнейшем крушение Советского Союза побудило страны Западной Европы не мешкая повернуть к капитализму, НАТО и Европейскому Союзу. Но множество общих проблем существует по-прежнему, и не самая легкая из них – это трудное и ненадежное положение средних классов, возникших или структурно трансформированных в коммунистические времена (Aymard 2001).

Новая граница для Европейского Союза

Вслед за распадом Советского Союза и СЭВ возник вопрос – куда идти бывшим государствам-участникам? Начиная с 1980-х гг., некоторые интеллигенты с Востока Средней Европы или Западной Восточной Европы утверждали, что их страны по самой своей природе принадлежат к Западу, будучи «Восточно-средней Европой», и что Восток как таковой, по выражению Милана Кундеры, их попросту похитил (Kundera 1984). Пока Советский Союз все еще подавал признаки жизни, пытаясь осуществить «быструю коренную перестройку», и пока советские войска все еще размещались в Средней Европе до реки Верра, западные державы делали все от них зависящее, чтобы не затрагивать самолюбие Советов – и не помешать процессу проведения реформ. Культивировалась идея, что военные союзы прекратят свое существование, а «общеевропейский дом» будет расширен до Урала. Когда же Советскому Союзу и Варшавскому пакту пришел конец, стало ясно, что НАТО не только сохранится, но и расширит число своих членов и сферу компетенции. Также сделалось очевидным, что за членство в ЕС придется платить и что желающим вступить в его состав будет необходимо выполнить ряд социально-экономических требований, поскольку ЕС соглашался принимать только тех, кто уже достиг определенного уровня развития, относительно близкого к тому, который существовал в странах-членах

Европейского Союза. Процесс расширения на восток стал мотивироваться внутривполитическими соображениями Запада, тогда как внешнеполитические аргументы частично утратили свою актуальность.

После совещания в Копенгагене, состоявшегося в 1993 г., были сформулированы четыре обязательных условия для стран, претендующих на членство в ЕС:

- 1) устойчивость политических институтов, гарантирующих демократию и главенство закона;
- 2) действующую рыночную экономику;
- 3) наличие административного ресурса для реализации членства (законодательство Европейского Сообщества к настоящему времени настолько усложнилось, что делает необходимым наличие некоторых бюрократических институтов).

Четвертое обязательное условие относится к внутренним вопросам самого ЕС: согласие на прием должно даваться только в том случае, если скорость внутренней интеграции этим не замедлится.

Принятые решения ввели процесс приема новых членов в определенное русло; одновременно они означали, что не будет ни расширения ЕС до размеров некоей новой сверхдержавы от Атлантики до Урала, как выразился в свое время де Голль, ни расширения до рубежей Западной Европы – как их зафиксировал Версальский мирный договор, когда Франция и Великобритания по своему усмотрению устанавливали границы территорий, соседствовавших с Советской Россией; таким образом, чтобы возник «санитарный кордон» против коммунизма, а также против попыток Германии подчинить себе страны Востока. Эти решения не вызывали и побудительного мотива для Европы к востоку от Одера создать какой-либо новый экономический союз; не возникал и импульс к появлению новой сверхдержавы. Решения отражали региональные интересы, а не глобальные концепции. Так, одна из причин, по которым Германия хотела, чтобы Польше была предоставлена возможность вступить в ЕС, имела политическую и историческую подоплеку: Германия стремилась со всей ясностью продемонстрировать, что наша страна заинтересована в сохранении мира на своих восточных границах и никоим образом не станет препятствовать

осуществлению чаяний польского народа. Это было политически важным, а во многом и судьбоносным шагом.

Обращаясь к польской аудитории, я хотел бы подчеркнуть, что с 1960 г. публично выступаю за то, чтобы линия по Одере-Нейсе была признана в качестве новой границы во имя лучшего будущего и для Германии, и для Польши. Мы, немцы, хотим жить в мире со своими соседями.

Вопрос, поднимавшийся в 1990-е гг., касался того, будет ли оптимальным решением для Польши, если эта страна войдет в ЕС; исходя из результатов проведенных мною исследований по проблемам внутренней периферии, я опасаюсь, что Польша превратится во внутреннюю периферию ЕС, поставляющую дешевую рабочую силу и не располагающую потенциалом к обновлению, который помог бы этой стране догнать Запад и встать на один с ним уровень. Об этом, например, говорит показатель количества патентов на душу населения, позволяющий сделать вывод, что люди с творческой жилкой предпочитают уезжать из страны (Nolte 1991 ff). Что же касается того, будет ли наилучшим решением для мирового сообщества, если Польша вступит в ЕС, то мое исследование, скорее, говорит в пользу создания особого экономического союза для Восточной Европы, участие в котором Польши станет, разумеется, залогом его успешности. Любой такой союз без Польши подпадет под гегемонию России, для которой до сих пор характерна достаточно бюрократизированная рыночная структура (и это еще слабо сказано).

Заявки на вступление в ЕС подало большинство стран к западу от Буга, оставив за бортом тех, для кого требования к заявителям оказались слишком высокими. Мое предложение, чтобы заявки на прием в НАТО и ЕС рассматривались по отдельности, основанное на постулате, согласно которому Польша становится членом НАТО и обеспечивает тем самым свои оборонные потребности, но одновременно поощряется к созданию восточноевропейского экономического союза, где она могла бы играть активную и динамичную роль (Nolte 1995), осталось неуслышанным. Решение ЕС было половинчатым – может быть, сама структура ЕС как относительно расплывчатой федерации государств, все еще ревностно хранящих свою национальную самобытность и защищающих свои национальные интересы, и не позволяет принимать какие-либо решения иного характера.

Ситуация в 2001 г. – какой она виделась участникам берлинской конференции «Deutsche Gesellschaft für Osteuropa-kunde» – являла собой зрелище новых многоплановых расколов Европы.

1. Существует группа из пяти стран, подавших заявку на членство в ЕС, с которой были начаты переговоры, принесшие предварительные результаты. Результаты эти подтверждают правильность оценки, предполагавшей, что данные страны смогут стать членами ЕС в течение последующих четырех-пяти лет, а некоторые из них – еще быстрее. К упомянутой «люксембургской пятерке» относятся Эстония, Польша, Чешская Республика, Венгрия и Словения. Не случайно: эти страны в течение длительного времени либо непосредственно входили в состав «Священной Римской империи», состояли в союзе с князьями Священной Римской империи, заключив с ними соглашения (Польша и Венгрия), имели князей и баронов немецкого происхождения (Эстония), либо были в значительной своей части аннексированы Пруссией или Австрией (Польша после разделов). Близость к Западу всегда сохранялась, даже несмотря на то, что в годы второй мировой войны еврейское население этих территорий, всегда поддерживавшее разнообразнейшие связи с Западом, подверглось уничтожению, а немецкое население было изгнано. «Люксембургская пятерка» относительно прочно стоит на ногах, и затраты для существующего сообщества могут быть сведены к приемлемому уровню, невзирая на попытки Испании, лидирующей среди стран-участниц с полупериферийного юга, направить ресурсы структурного фонда ЕС на развитие своих бедных районов, хотя их состояние куда удовлетворительнее, чем у аналогичных районов Польши или Венгрии; в соответствии с правилами ЕС, последние должны получить большую часть средств структурного фонда (Eissel, Grasse 2001).
2. Вторая группа стран включает в себя Румынию, Болгарию, Словакию, Латвию и Литву. К ней также относятся Мальта и Турция. С ними тоже велись кое-какие переговоры, но никакой примерной даты их вступления в состав ЕС пока не существует.
3. Остаются еще страны, европейские по своей истории и культуре, но не готовые в обозримом будущем присоединиться к

ЕС. На Западе к ним относятся Швейцария и Норвегия, страны весьма богатые, где показатели ВВП на душу населения превышают средние показатели по ЕС. Высказываются опасения, что вхождение в ЕС обернется для этих стран уменьшением налоговых поступлений и потерей ряда привилегий, очень ими ценимых – Норвегия, например, стремится сохранить за норвежцами рыболовство в своих прибрежных водах, чтобы не обезлюдело ее весьма протяженное побережье (давнее название всей стране); Швейцария хотела бы сохранить независимость своего банковского сектора от Брюсселя и Франкфурта и удержать в своих руках контроль над необъятными потоками транспорта, пересекающими Альпы и создающими, по правде говоря, немалые проблемы для Австрии. А на Востоке к ним относятся бывшие члены СЭВ к востоку от Буга и бывшие составные части Югославии, за исключением Словении.

В конце концов мы станем свидетелями исчезновения в Европе целого ряда границ (например, всех восточных границ Германии и Австрии) или, по меньшей мере, утраты ими своего бывшего значения; но мы также увидим, как приобретут значение новые (относительно старые) границы внутри Европы – восточные границы ЕС, отделяющие значительные части «православного» мира (хотя, скорее всего, не весь этот мир в целом) от мира «латинского». Историки и политологи, несомненно, выступят со множеством аргументов, легитимизирующих эти новые границы, подчеркивая разницу, всегда существовавшую между Римом и Константинополем. Но тем важнее будет для нас всегда помнить о том, что протестантизм представляет собой ересь для обеих «старых» церквей. Когда д-р Мартин Лютер признал в дискуссии с д-ром Эком в Лейпциге, что его учение противоречит догматам, утвержденным на первых церковных соборах, он тем самым поставил себя в оппозицию и к православию. Тем не менее, как мне кажется, никто не станет утверждать, что существуют основания, по которым протестантские страны должны оставаться вне Европейского Союза. Основные причины для принятия или непринятия в члены ЕС – это причины финансового характера. А вопрос о том, добьются ли те или иные страны соответствия стандартам, установленным ЕС, останется открытым даже для тех соискателей, с которыми уже ведутся переговоры. Как сказал на конференции в Берлине представитель Болгарии: «Если всем странам, стремящимся

стать членами, придется выходить на требуемый уровень собственными силами, то они никогда не смогут этого сделать. Разрыв будет расти».

Заявления на конференции делались дипломатами. Эстонский представитель не говорил, что Эстония боится России. А российский представитель не говорил, что Россия боится НАТО. Но стратегическое решение, тем не менее, было предельно ясным: страны, которые считают себя частью Востока Средней Европы, в своем подавляющем большинстве хотят принадлежать к «Европе» в смысле ЕС, и подобные стремления создают ситуацию, когда НАТО может оказаться буквально под окнами второго по величине города России. Процесс расширения ЕС в «Европе» ЗСЕ в значительной степени видится как создание сообщества, основанного на общих ценностях «Wertegemeinschaft», а это оставляет за бортом советский опыт. Разумеется, когда говорится о Европе как сообществе, основанном на демократических ценностях, кое-кто может задаться вопросом, а не обрелась ли Германия в 1933-1945 гг. на каком-то особом континенте, или была ли Польша частью Европы в период диктатур Пилсудского и Бека. Также может возникнуть вопрос, всегда ли соответствовали правилам демократии действия Франции во время колониальной войны в Алжире и всегда ли соблюдались ею там права человека. Но, говоря серьезно, подобные напоминания об известных прегрешениях, допущенных многими бесспорно европейскими нациями по отношению к демократии и гуманности, таят в себе опасность, что их могут воспринять как ненужные и досадные уколы.

Почему возникают в Европе новые границы? Как историкам нам придется ответить, что доподлинно мы этого не знаем. Ни один независимый исследователь пока еще не видел соответствующих досье. Разумеется, мы могли бы предположить, что в католических кругах созрел замысел перекроить границы таким образом, чтобы защитить католическое культурное первенство, существующее в ЕС. Если дело именно в этом, то будущая восточная граница лишь в отдельных случаях выйдет за внешние рубежи «люксембургской пятерки». Можно также предположить, что европейскому капиталу понадобились безопасные пути перекачки сырой нефти вокруг Каспия. Если это так, то Грузии, Азербайджану и, может быть, Туркменистану следует тоже стать членами ЕС. Но две наши интерпретации – всего лишь досужие домыслы.

В настоящий момент более убедительной с точки зрения наблюдателя представляется третья интерпретация. По-видимому, движущей силой расширения ЕС на восток является не что иное, как идеологическая приверженность многих европейцев концепции увеличения Союза, правда, с известной оговоркой, что осуществляться оно должно с минимальными затратами. Поэтому некоторое расширение налицо, хотя пока что очень ограниченное по масштабам – всего лишь до границ бывших империй Средней Европы. В этой связи произошел интеллектуальный раскол между Восточной и Западной Европой, фактически создающий новую группу «ангажированных» – и группу, оставшуюся не у дел. В ходе этого процесса недемократические и диктаторские традиции нашего континента стали экстерриториальными, поскольку демократия и права человека, как утверждается, лежат в основе всех наших ценностей. Эта экстратерриториализация порождает специфическое понимание существующих проблем, имеющее тенденцию к игнорированию авторитаристских и антигуманных эпизодов нашей истории, тогда как последние являются неотъемлемой частью не только германского прошлого, но и прошлого Великобритании (попробуйте-ка спросить шотландца о Глен-Ко или индийца об Армитсаре) или Испании. (Спросите об этом карибских индейцев, если вам удастся найти хоть одного). Да и коммунизм, о чем теперь начинают забывать, был не восточно-европейским или российским изобретением, а плодом мысли германского ученого еврейского происхождения, работавшего в Лондоне.

Образование новых групп изгоев всегда имеет своим последствием реконструкцию старых. При возникающем раскладе это по большей части относится и к России. С известными на то основаниями нельзя не испытывать опасений, что уничтожение границ в пределах нового ЕС создаст новые границы у порога тех европейских стран, которые не смогут к нему присоединиться или решат вовсе не подавать заявку – пусть даже как та лисица в винограднике, фыркая, что, дескать, зелен виноград, до которого ей все равно было не дотянуться.

Роль таких стран, любящих называть себя частью Востока Центральной Европы, в процессе создания новых границ также остается очень важной и может даже стать решающей (что дает право на жизнь четвертой интерпретации процесса расширения ЕС – гипотезе, которую еще предстоит исследо-

вать). Стремление стран к востоку от Германии принадлежать к ЕС можно истолковать просто как стремление слиться с Западом, чтобы реализовать свои давние надежды – получить долю в его богатстве. Демократам такое желание представляется абсолютно законным; в их глазах оно является частью интеллектуальной традиции Запада, провозгласившей право на счастье для каждого человека. Фактически, и как нами уже указывалось, на переговорах о приеме в Союз новых членов это желание является главным мотивом, определяющим позицию нынешних его участников, поскольку их правительства преследуют цель сохранить и преумножить богатства своих граждан (для чего их, собственно, и выбрали). В дискуссии о ценностях прослеживается тенденция затуманивать тот факт, что в ЕС ведутся переговоры не столько о ценностях, сколько о расходах – а это на Востоке часто не осознается со всей ясностью. Принимаются те страны, членство которых, как считается, не приведет к чрезмерным затратам и от которых можно ожидать, что они относительно быстро смогут соответствовать стандартам Центра; те же, кого не принимают, – это страны, чье членство, скорее всего, оказалось бы слишком накладно для, скажем, регионального фонда ЕС.

Дело в том, что акцентирование вопроса об интересах и поиске счастья, а не вопроса о ценностях, поставило бы дебаты о расширении ЕС на более адекватную и трезвую основу. ЕС следовало бы открыто заявить: «Мы примем вас в качестве членов, потому что ваше членство сулит нам выгоды» – или столь же открыто сказать: «Мы вас не примем, потому что нам кажется, что ваше членство принесет нам одни проблемы: размытые границы, терроризм, уровень коррупции, неприемлемый на Западе, высокие затраты на развитие вашей внутренней периферии, вашу старомодную аграрную систему и т. д.» Также было бы гораздо более адекватным и интеллектуально здравым, если бы в ходе дебатов страны ЕС просто сказали бы, что не желают принимать того-то и того-то в свои члены, ибо считают, что те останутся на уровне ниже западного еще долгое время, и что хотят удержать контроль над рынком рабочей силы, покуда и на Западе сохраняется структурная безработица в достаточно серьезных масштабах, – ведь как только страна ЗСЕ станет полным членом ЕС, возможности такого контроля исчезнут.

Если дискуссия будет вестись по линии конкретных интересов, а не по линии абстрактных ценностей или исторической принадлежности, это поможет сделать дебаты более адекватными и актуальными. Это уменьшило бы значимость аргументов, подобных высказыванию Кундеры о том, что Запад позволил Востоку похитить Восток Средней Европы и что по этой – и иным из того же ряда – причинам Запад должен незамедлительно принять в свое лоно Восток Средней Европы, тогда как собственно Восток абсолютно в этом лоне не уместен. Совершенно очевидно, что с таким аргументом не могла бы выступить Россия или Украина (хотя исторические аспекты в дискуссии по Украине отличаются от таковых в дискуссии по России). Но тут прежде всего следует указать на то, что Советская Армия завоевала Восток Средней Европы в 1944-1945 гг., сломив сопротивление не американских или английских, а германских войск. И, во-вторых, положение о том, что отсталость Восточной Европы – всего лишь результат «советизации», последовавшей за покорением этих стран Советской Армией в 1944-1945 гг., также представляет собой свехупрощение проблемы, поскольку, как уже указывалось, отсталость Восточной Европы и Востока Средней Европы имеет очень давние корни (см. выше; для сравнения см.: Chirot 1989; Nolte 1991; Berend 1995; Hofbauer, Komlosy 2000; Adamczyk 2001b).

Открытое акцентирование проблемы интересов было бы ценно тем, что каждое правительство смогло бы выступить именно с теми аргументами, на которых настаивают их граждане, – никто не осмелился бы говорить о «необходимости» приема той или иной страны, потому что она всегда принадлежала к Европе, и никакой стране не намекнули бы, что ей-де больше пристала бы некая иная, «не европейская» идентичность, так как ее членство в ЕС на данный момент считается для него невыгодным. Напротив, стало бы, например, ясно, что у России нет шансов на принятие, несмотря на все ее ресурсы, потому что она ведет зверскую войну против мусульманского населения своего приграничья, как нет их и у Украины, потому что Германия боится бесконтрольной иммиграции масс людей, ищущих работу. Заинтересованные страны смогли бы тогда здраво оценить эту откровенность и подумать о других решениях, например, о создании черноморского или евразийского экономического союза (см. ниже).

Акцентирование проблемы интересов будет иметь еще и то преимущество, что происходящий ныне новый раскол Европы не окажется легитимизирован при помощи идеологических аргументов. Нет никаких сомнений в том, что существующие глубокие и серьезные различия коренятся в религии, истории и культуре. Необходимо знать и изучать их, поскольку они формируют нашу коллективную память и влияют на наше поведение. Они же создают основу для возникновения идентитетов. Но эти идентитеты также имеют тенденцию к эксклюзивности: кто-то под них не подпадает, кто-то, напротив, им соответствует. Европейская история знает тому тысячи примеров, и мы могли убедиться, что политика выпячивания идентичности чревата раздуванием высокомерия и ненависти, а в конечном счете способна иногда привести к геноциду. Да, нам, немцам, это особенно хорошо известно. Но мы не единственные, кому грозит искушение сыграть на мнимых достоинствах своих «Wesen».

Суть же состоит в том, что политика должна не усиливать эти различия, но подходить к ним с большой осторожностью.

Предложение: Евразийский экономический союз

Таким образом, в политическом отношении необходимо:

- 1) притушить политику, ориентированную на культурные идентитеты;
- 2) форсировать политику, ориентированную на «поиск счастья».

Оглядываясь на долгий исторический путь, который проделало человечество, организованное в мировую систему по линии политики, культуры, экономики, а также в социальном отношении, страны Запада и члены ЕС, а кроме того – и, может быть, в первую очередь – члены ЕС, приходящие в него сейчас с Востока, например, Польша, должны задуматься и о будущем Востока. Им следует задуматься об этом, потому что европейская идентичность фактически легитимизируется универсалистскими ценностями и строится вокруг них, а из этого следует, что мы обязаны думать и о будущем человечества. Нам надо также уделить особое внимание Восточной Европе, ибо она представляет собой неотъемлемую часть нашей истории. Но самое важное для нас – это задуматься о будущем Восточной Европы, так как в наших же собственных интересах,

чтобы этот регион мира, граничащий с нами и снабжающий нас сырьем, узнал счастливое будущее. Сосед в состоянии кризиса – сосед небезопасный.

Как мы уже говорили, невозможно обсуждать концепцию реконструкции региона на демократической основе, концепцию восточно-европейского экономического союза, поскольку такой союз не сможет функционировать без участия в нем сильнейшей – после России – в политическом и культурном отношении нации, т. е. Польши, а Польша стремится войти в ЕС. Но для стран, которые не вступают в ЕС (в обозримом будущем), явственно существует необходимость создать свой собственный союз, внося необходимые поправки, как то сделала Великобритания и ряд других государств, создав в свое время ЕАСТ.

Это необходимо по экономическим причинам. Поскольку страны к востоку от Буга в течение длительного времени представляли собой в структурном отношении полупериферию, сколько-нибудь значительные потоки чистого капитала туда, скорее всего, не направятся, за исключением, может быть, капиталов на целевые инвестиции в сырьевой сектор. Какой-то приток капиталов будет иметь место, но утечка капитала из этих стран также приобретет значительные масштабы. Это означает, что, скорее всего, этим странам придется создать у себя производственные мощности, восполняющие отсутствие западного импорта – не с помощью, разумеется, введения высоких тарифов, столь успешно для США предложенных Гамильтоном и обеспечивших победу в борьбе с британской гегемонией, а посредством иных финансовых средств. Сегодняшней целью будет не создание субститутного производства стали или легковых автомобилей, как то было в 1970-е гг., а развитие альтернативных направлений (например, туристического сектора и игр в Интернете, чтобы нувориши из России тратили свои деньги в Крыму, а не на Лазурном Берегу).

Но «догоняющая экономика» сможет выжить в XXI в. только при условии, если обеспечить ей столь обширные рынки, каких нет даже в России. «Североамериканское соглашение о свободной торговле» и ЕС действуют на необъятных рынках. Следовательно, в длительной перспективе в интересах США и ЕС будет способствовать рождению нового экономического союза к востоку от ЕС и к западу от зоны Североамериканского соглашения. Это образование можно было бы назвать

Евразийским экономическим союзом. В нем совершенно определенно примут участие некоторые мусульманские страны Средней Азии, и в известном отношении он может представлять собой развитие структур взаимодействия, существующих сейчас в СНГ. Крайне важным было бы включить в него страны, не бывшие в прошлом членами СЭВ. Очевидный кандидат – это Турция с ее динамичным обществом и значительным средним классом, ориентированным на деловую деятельность и способным бросить вызов (бывшей) государственной бюрократии России.

В культурном отношении подобный союз будет способствовать углублению сотрудничества между Православием и Исламом, которое также имеет длительную, хотя и не всегда безоблачную историю. В самом деле, Россия и Украина веками были вынуждены вести борьбу против татаро-монгольского господства и сражаться с мусульманами-работоторговцами. А разве мусульманам не пришлось вынести ужас колониальных войн, особенно на Кавказе, причем России до сих пор не удается мирно жить с чеченским народом (Bähee 2001). Но существует и долгая традиция терпимости и сотрудничества – Православная Церковь получила бесчисленные привилегии от ордынских ханов, а татарская знать служила в армиях московских государей (Nolte 1969). Эта традиция сотрудничества – или, лучше сказать, совместного существования – может быть усилена опытом экономического союза, который заставил бы отойти на задний план разногласия религиозного характера.

В политическом плане такой союз также будет чрезвычайно важен. Демократия, бесспорно, процветает на почве рациональных диспутов, и ей всегда нужны люди, верящие в гуманистические ценности. Но демократия, кроме того, построена на практике, на согласованных методах решения проблем. Эта часть европейской традиции постигалась в послевоенной Германии в ходе интенсивного взаимообмена между странами, входившими в различные союзы. Германия стала членом Западно-Европейского Союза, НАТО, ЕС и т. д. Уже сам факт вхождения в союзы помогает делу мира, взаимопонимания и сотрудничества. Это подтверждают даже количественные исследования (Russett 2001).

Нахождение политических решений для проблем мирового характера далеко не в первую очередь состоит в распутывании вопроса об идентитете. Представитель России на берлинской

конференции ДГО весьма убедительно отметил, что Хабаровск на Амуре – город более европейский, чем Стамбул. Поскольку я никогда не бывал в Хабаровске, но посетил Кемерово и Томск в Сибири (относительно конференции см. Bonvehc 2001), могу лишь подтвердить правоту данного утверждения применительно к этим городам. Лично же мне кажется (да простят мне мои друзья в Восточной Европе), что Нижняя Саксония, где я теперь живу, в культурном отношении ближе к Иллинойсу (где я имел честь жить какое-то время), чем к Москве или Андалузии – в чем, разумеется, состоит одна из причин, по которым мне нравится там отдыхать.

Суть всего сказанного – в том, что подобные аргументы неизбежно приведут к возникновению все новых и новых различий, все новых и новых определений идентитета, и в итоге мы можем получить идентитет, похожий на лоскутное одеяло и напоминающий тот, что мы знаем из немецкой истории кануна Тридцатилетней войны или на примере Югославии накануне ее распада. *Vestigia terrent.*

Бросает ли ЕС вызов США?

ЕС располагает человеческими ресурсами, территорией и экономической мощью, которые позволяют ему бросить вызов США с их лидерством в мире. Но пойдет ли ЕС по такому пути? Начнется ли новая борьба за гегемонию? И не приведет ли это к кризису мировой системы?

Большинство исследователей мировой системы утверждают, что она приближается к структурному кризису или что кризис этот уже разразился. В 1982 г. Самир Амин, Джиованни Арригги, Андре Гундер Франк и Эммануэль Валлерстейн опубликовали книгу «Динамика глобального кризиса» (Amin 1982), анализирующую этот разворачивающийся кризис применительно к сфере экономического воспроизводства, которая характеризуется все возрастающей пролетаризацией населения земного шара; также рассматривались проблемы американской гегемонии, идеологии и усиливающегося национализма. Арригги задал тогда вопрос, не возродится ли межимпериалистическая конкуренция, и справедливо рассудил, что Советский Союз (несмотря на свою военную экспансию 1970-х гг.) был не способен осуществить такую конкуренцию. Так или иначе, но трое из указанных аналитиков полагали, что создается новая ось «Европа-Москва»,

которой будут противостоять Китай, Япония и США. В то время ни один из четверки исследователей не предвидел превращения США в единственную сверхдержаву. Мои собственные оценки также указывали на то, что мы стоим перед кризисом, но не столько в экономической сфере, сколько в области политической структуры общества в мировом масштабе, которая не позволяла большинству населения влиять на происходящее. Что касается последнего аспекта, то анализ, проведенный мною в 1982 г., и по сей день не утратил своей актуальности, хотя я тоже не смог предвидеть превращения США в единственную сверхдержаву, хотя и описал кризисное состояние СССР, ставшее явным в связи с событиями в Польше (Nolte 1993).

Когда пытаешься обозначить последствия ныне происходящего, всегда полезно помнить о былых своих недочетах. Интеллектуалы, приверженные мозаичной христианско-мусульманской традиции (к ним относится и сам автор), любят воображать себя некими пророками: времена меняются, меняйтесь и сами! И, разумеется, как это всегда случалось в истории идей, порождаемых монотеистическими культурами, подобный утопический и даже апокалиптический взгляд на настоящее и будущее обладает неимоверным созидательным потенциалом – взгляните, например, на поучительные идеи Валлерстейна, касающиеся пространственно-временных реалий и показывающие, что наши представления о времени и пространстве устойчиво взаимосвязаны, но что эти взаимосвязи меняются, и подобные изменения происходят и в данный момент (Wallerstein 1991, p. 135-148). Но быть приверженцем какой-либо грандиозной апокалиптической концепции – это одно, а ниспровергать ее в ходе текущей научной дискуссии (Wallerstein et al 1996) или даже долгосрочных политических дебатов – это совсем другое. Изучение мировой системы – это исследовательский проект, а не готовая теория (Wallerstein 2001). В рамках данного исследовательского проекта выдвигание разнообразных концепций и резких замечаний выглядит вполне нормальным (Elsenhans 2001), потому что в конце концов в нашей воле согласиться только с тем, что было доказано. Итак, приготовившись рассматривать долгосрочные перспективы истории, к каким проблемам нам следует обратиться в своей попытке оценить характер будущих отношений между ЕС и США в рамках мировой системы?

Барбаре Столлингс удалось отредактировать и выпустить великолепный сборник (Stallings 1995), анализирующий возникновение трех капиталистических центров – США, Европы и Японии, тесно взаимосвязанных посредством торговли, но со своими собственными, отличными друг от друга предпосылками экономической мощи и развития, зависящими от трех указанных центров силы: для США это Латинская Америка, для Европы и Японии – Азия (см. диаграмму, Stallings 1995, p. 353). В этой глобальной оценке у Восточной Европы даже нет собственного места, о ней редки упоминания и в статьях сборника, и если уж ее придется хоть как-нибудь классифицировать, то она попадет в разряд внутренней периферии (Западно-) Европейского капиталистического центра. Вместе с тем и возможное подсоединение, скажем, Сибири к Японскому центру капитализма также мало что изменит.

Подобный взгляд на мировое устройство, в большей или меньшей степени проистекающий из «триализма» трех капиталистических центров, как нам кажется, преуменьшает сохраняющуюся значимость военной мощи и культурных влияний. Это, разумеется, означает, что Россию все еще следует относить к категории сильных держав, хотя экономика ее в лучшем случае третьеразрядна. Объяснением сему служит тот факт, что за российскими военными по-прежнему остается решающий выбор. Это также означает, что Япония и Германия по-прежнему пребывают в классе третьеразрядных держав, хотя в экономическом плане они во многом находятся на равных с США. Объясняется это тем, что в военном отношении у данных двух стран нет тех возможностей, которыми располагают Соединенное Королевство или Франция, а вклад Германии в дело укрепления центрального участка линии обороны НАТО оказался в значительной степени обесцененным из-за крушения Варшавского договора и отвода Советской Армии. Из этого также следует, что и в культурной сфере у трех таких держав – России, Германии и Японии – нет больших шансов на удачную конкуренцию с США (несмотря на успех японских манга), потому как на их рынках культуры доминируют США. В Германии, например, телевизионные каналы в очень заметной мере построены по американской модели и зачастую просто транслируют американскую продукцию.

Но что все это значит для ЕС?

Вольф Грабенхорст (Stemplowski 2001, p. 81-85, 99-108), проанализировав позиции, занятые Европой и США по ряду вопро-

сов, пришел к выводу, что взгляды их расходятся по отношению

- 1) к роли, которую должны играть рынок и государство при формировании внешней политики – для США последняя все больше и больше превращается во внешнеэкономическую политику;
- 2) к роли культуры – США стремятся даже образование превратить в коммерческий товар – и
- 3) к политике по отношению к развивающимся странам – США следуют принципам политики «торговля, а не помощь».

Но каким образом эти и другие расхождения влияют на политику ЕС, оставшегося лицом к лицу с США, если, как указывает в том же сборнике Лоренс Вайтхед, даже такой важный член ЕС, как Соединенное Королевство, не признает решающего значения данных разногласий?

Еще одно важное расхождение связано с сельскохозяйственной политикой. Субсидирование семейных ферм вопреки интересам мирового рынка (а конкретно – экспортеров из США) с самого первого дня существования ЕС было одним из столпов совместной политики. Как указала в одной из своих лекций Лайза Прюгль (из Флоридского международного университета), европейская аграрная политика субсидирования семейных ферм идет вразрез с интересами многих женщин, поскольку в рамках этой политики женщины фигурируют всего лишь как «супруги», а не как работающие лица. Тем не менее, мало кто сомневается в том, что расширение ЕС не сможет состояться без по крайней мере частичного распространения системы субсидий на семейные фермы в Польше или Венгрии. Несмотря на насущную необходимость проведения реформ, историки, скорее всего, учтут реальные сроки, которые потребуются для того, чтобы перемены воплотились в жизнь.

Исторический очерк, приведенный нами, позволяет предположить, что серьезные расхождения между ЕС и США в будущем сохранятся. Но он не дает оснований для утверждений, что ЕС когда-нибудь превратится в политического оппонента США или бросит им вызов. Решения, к которым пришел ЕС по вопросу своего расширения, не отражают стремления стать сверхдержавой. Если бы ЕС ставил своей целью перерастать в державу, способную уравновесить влияние США в новом «концерте держав», сообщество пыталось бы, начиная с 1991 г., расширяться и расширяться, пока в него не вошла бы Россия.

Только включив в себя на правах члена Россию, ЕС располагал бы достаточными ресурсами и достаточным геополитическим пространством, чтобы стать таким противовесом. Ни один из европейских политических руководителей не предлагал ничего подобного. Включение «люксембургской пятерки» может усилить экономику ЕС, увеличив приток дешевой рабочей силы и обеспечив кое-какие относительно небольшие новые рынки. Возможно, это будет стоить дешевле, чем стоило бы членство России, а тем временем финансовые рынки станут мобильнее из-за невысокого уровня бюджетных расходов. Но если взглянуть на это с точки зрения Барбары Столлингс, включение в состав ЕС «люксембургской пятерки» мало что изменит.

Может быть, самым важным будет следующее: государства, составляющие ЕС, продолжают проводить свою национальную политику. Соединенное Королевство оставляет за собой свободу действий военного характера, считая ее атрибутом своей национальной политики, и пытается сохранить определенное влияние в военной области, предпочитая поддерживать США, нежели блокироваться с ЕС. Соединенное Королевство считается даже с решениями какого-то комитета Конгресса США, решающего, какие истребители будут строиться для королевских ВВС и какая компания получит заказ на их производство... считается, даже не будучи представлено в этом комитете. Такие действия наносят явный ущерб европейскому авиастроению, причем можно усомниться в том, подпадают ли они под определение «национальная политика». В плане культуры Англия крайне заинтересована в сохранении американской модели, а это означает, что Соединенное Королевство лишь изредка будет подключаться к усилиям по созданию или сохранению европейской культурной идентичности, отличной от американской. Но сегодня не может быть сверхдержавы без культурной идентичности и влияния в области культуры.

Франция тоже предпочитает сохранять свободу рук при выборе решений военного характера, и она же с большим жаром, но пока что с ограниченным успехом, пытается оградить свою культуру от американского засилья. Германия, будучи верным другом Франции и при всех своих телевизионных начинаниях вроде „Арте“ (франко-германского культурно-просветительского канала, спонсируемого правительствами) должна все же считаться англофильствующей.

щей; детей, учащихся в школах французский язык, совсем мало, а кое-кто в качестве второго языка по-прежнему изучает латынь (кстати, испанский мало-помалу вытесняет в школах язык «великой нации»), тогда как русский – единственный славянский язык, относительно широко преподававшийся в средних учебных заведениях, сдает свои позиции. Польша, традиционно считавшаяся в вопросах культуры почти что галлофилом, тоже, по крайней мере на первый взгляд, начинает склоняться на сторону Америки. Франция, поддержанная в этом Германией и Испанией, пытается, помимо всего прочего, удержать на плаву европейскую авиационную и аэрокосмическую промышленность. Все попытки создать собственно европейские армейские части, тем не менее, были до сих пор весьма скромными по масштабам.

Европа все еще играет важную роль на международной экономической арене. Европейский центральный банк действует на том же уровне, что и Федеральный резервный банк, а Лондон, Франкфурт и Цюрих по-прежнему являются первоклассными финансовыми центрами. Но нет находчивой и гибкой внешней политики, хотя кое-что в этом отношении делалось. И нет эффективного европейского военного потенциала. Американская интервенция в Афганистане, может быть, не лучший тому пример, потому что на США тогда напали, и они просто взяли на себя соответствующую инициативу. Но в Косово инициативу тоже взяли на себя США, хотя на сей раз только потому, что все необходимые военные средства были только у американцев.

Хорошо ли это или плохо? Учитывая конституционное устройство мирового общества, вторая сверхдержава, принадлежащая к Центру и распоряжающаяся ресурсами, которые считались бы достаточными для того, чтобы бросить вызов Соединенным Штатам, была бы способна породить ряд серьезных проблем. Не исключено, что развилось бы острое соперничество за власть и влияние, которое характеризовало историю международного «концерта держав» с тех самых пор, как он появился на свет тысячу лет назад. Но на все это можно взглянуть и с диаметрально противоположной стороны: если зрение нас не обманывает и ЕС не собирается бросить вызов гегемонии США, то из этого следует, что межгосударственному соперничеству за власть внутри системы может наступить конец (если Китай или Япония не решат поучаствовать в состязании). А это может повлечь за собой еще более важную

перемену: соперничество между государствами внутри системы вообще заканчивается, по крайней мере в военной области.

Может быть, целую тысячу лет – с тех самых пор, как потерпели поражение универсалистские силы, воплощавшие в средние века христианскую идею – мировая система политически функционировала на основе соперничества между державами, подчиняясь определенным правилам, но не желая на сколь-нибудь длительное время подпасть под чью-либо гегемонию и всегда противясь попыткам превратить ее в империю, управляемую из одной столицы, будь то Мадрид, Париж или Лондон. Это имело большое значение структурного порядка: например, ни разу не удалось задержать распространение новых военных технологий, просто потому что всегда находился кто-нибудь, решавший использовать их, не взирая на запреты (в этом система отличалась от Японии, где оказалось возможным запретить применение огнестрельного оружия). Американская гегемония может изменить подобное положение вещей, потому что никто не осмелится пойти на соперничество с единственной в мире сверхдержавой. Системе, в том виде, в каком мы ее знаем, придет конец, а США обретут такую военную мощь, что никто не будет в состоянии оспорить их решения, и мы получим новый – американский – универсализм.

Тем самым будет брошен серьезнейший вызов политическому конституционному устройству мира. Сегодня уже всем стало ясно, что ООН нуждается в реформировании (Fawcett 1995, Czempiel 1994). Один из основополагающих принципов демократии гласит, что проблемы должны решаться теми, кого они затрагивают: «quod omnes tangit ab omnibus aprobati debet» («то, что касается каждого, должно быть одобрено каждым»). Существует также насущная необходимость глобального решения глобальных проблем – проблем загрязнения окружающей среды и изменения климата во всемирном масштабе, проблем международной преступности (а к ней относятся геноцид и терроризм), проблем нищеты и голода. В данный момент США проводят свою политику таким образом, как будто они по-прежнему всего лишь национальное государство, – не платят членских взносов, когда руководящие органы ООН осуществляют политику, не совпадающую с американскими взглядами, отказываются признавать «Киотский протокол» и следовать в фарватере политики междуна-

родного сотрудничества, подразумеваемой в этом протоколе, не поддерживают инициативу по созданию международного трибунала по правам человека, предусматривающую, что к суду могут быть привлечены все, кого обвиняют в преступлениях против человечности (в соответствии с Конвенцией 1948 г.), а не просто люди, считающиеся врагами США (например, президент Турции Эджевит, союзник Америки, обвиняемый в таком преступлении, как изгнание греков-киприотов с территории северного Кипра, ни к какому суду не может быть привлечен). Реформы необходимы даже на уровне уже существующих институтов. Возьмем хотя бы тот факт, что в Совете безопасности до сих пор не пользуются должным влиянием величайшие культурные традиции земного шара – никакая мусульманская или индуистская страна не в состоянии выступить со своей точкой зрения, отличной от мировоззрения христианских стран или Китая. Факт вопиющий!

Провести необходимые реформы вопреки воле США будет трудно, поскольку существующая структура способствует сохранению американской гегемонии. Помогает этому во многих отношениях уже одно то, что самые важные члены Совета безопасности суть меньшие братья (пусть и старшие по возрасту) США. Но, с другой стороны, легко – может быть, слишком легко – сделать и такой вывод: гегемония порождает герилью. Сам этот термин своим появлением обязан попыткам испанцев свергнуть чужую гегемонию и чужое влияние (пусть просвещенное, но все же французское). Разумеется, формы герильи – партизанской войны – меняются, как меняются сейчас и формы «большой войны» (Hoch 2001, Hables-Gray 1997). Но, дабы не ограничиться привлечением к ответу террористов-исполнителей (дело само по себе, бесспорно, нужное и правильное), миру необходимо, чтобы люди приняли глобальное участие в тех или иных делах глобальной политики. Державу-гегемон очень быстро могут начать винить во всех проблемах мира, а это неизбежно приведет к «имперскому перенапряжению сил» (Kennedy 1987). Тем временем, США не в состоянии даже разрешить конфликт в Палестине, не говоря уж обо всех прочих социальных и экономических, религиозных и этнических конфликтах, нависших над миром (Scherrer 1996).

Прожив какое-то время в США, я стал приверженцем многих фундаментальных американских убеждений; больше же всего я верю в слова Авраама Линкольна: «правительство

народа, для народа и посредством народа». Поэтому, поскольку соперничеству государств за обладание властью, очевидно, предстоит уйти в прошлое, вполне возможно, приходит время создать какую-то форму представительства для всех людей планеты, а не только для государств на уровне ООН. Такое представительство должно оказывать влияние на мировую политику и мировой правопорядок в интересах всех людей, живущих во всех государствах. Нет сомнений в том, что американская гегемония не будет соответствовать ни интересам народов Пакистана или Индии, ни интересам Европы, даже когда, как я надеюсь, Америка созреет до состояния просвещенного гегемона – „gütiger Hegemon“ (Haftendorn 1999).

Подведем итог: превращение Европы во вторую сверхдержаву не принесет решения существующих проблем. Но демократизация общества во всемирном масштабе совершенно необходима, как того требуют убеждения и ценности самого Запада.

Этот постулат в действительности основан и на многих американских ценностях. Политическая культура США выстроена на вере в чеки и балансы, а также на здоровом недоверии к сильным и симпатии к слабым – пока те сами пытаются встать на ноги. Эти ценности необходимы, если ставить перед собой задачу переделать старую систему в более демократический мир, где у слабых будет больше шансов на лучшую жизнь. ЕС – это не альтернатива США, но он должен постоянно подталкивать гегемона к тому, чтобы во всемирном правительстве участвовало все большее число людей.

Библиография

- Adamczyk, D. 2001a. *Zur Stellung Polens im modernen Weltsystem der Frühen Neuzeit*, Hamburg.
- 2001b. *Polens halbperiphere Stellung im Weltsystem. Eine Long-Run- -Perspektive*, in: “Zeitschrift für Weltgeschichte” 2.2: 78–90.
- Ahrweiler H., M. Aymard, eds. 2000. “Les Européens”, Paris.
- Aymard, M. 2001. *Europa von der Teilung zur Wiedervereinigung. Osteuropäische Mittelklassen*, in: “Zeitschrift für Weltgeschichte” 2.2: 91–108.
- Bähre, K. 2001. *Tschetschenien. Ein heißer Fleck im Rußländischen Imperium*, in: Nolte 1991 Vol. 3: 157–179.
- Bartov O., ed. 2000. *The Holocaust*, New York.

- Becker, J., H.-H. Nolte, 1999: *Die Peripherie in der kapitalistischen Weltwirtschaft*, in: Parnreiter, Christof Ed.: *Globalisierung und Peripherie*, Frankfurt: 35–74.
- Berend I.T. 1996. *German economic penetration*, in Hanson: 129–150.
- Bloch, M. 1974. *Apologie der Geschichte 1949*. Stuttgart.
- Bockhorn, O.&G., I.&S. Walter 1998. *Wie aus Bauern Arbeiter wurden*, Frankfurt.
- Bonvech B., J. Galaktionov, eds. 2001. *Germanija i Rossija v XX veke: dve totalitarnye diktatury, dva puti k demokratii*, Kemerovo.
- Boroznjak, A. 1999. *Iskuplenie*, Moskva.
- Brustein, W. 1991. *An Endogenous Explanation of French Internal Peripheries*, in: Nolte 1991, Vol.1: 91–117.
- Carr, E.H. 1963. *Was ist Geschichte? (1961)*, Stuttgart.
- Chirot, D. 1989. *The Origins of Backwardness in Eastern Europe*, Berkeley .
- Czempiel, E.-O. 1994. *Die Reform der UNO*. München.
- Danilevskij N. J. 1867. *Rossija i Evropa*, 5. edition Peterburg 1895.
- Dehio, L. 1948. *Gleichgewicht oder Hegemonie. Betrachtungen über ein Grundproblem der neueren Staatengeschichte*, Hg. K. Hildebrandt, Zürich 1996.
- DGO 2001. *Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde*, Tagung Berlin 2001, "Bericht in Zeitschrift für Weltgeschichte" 2.2.
- Diamond, J. 1997. *Guns, Germs and Steel*, London.
- Dukes, P. 2000. *The Superpowers*, London.
- Eissel, D., A. Grasse 2001. *Regionalpolitik in der Europäischen Union*, in:Nolte 1991 Vol. 3: 33–50.
- Elsenhans, H. 2001. *Zum Gang der Weltsystemstudien*, in: "Zeitschrift für Weltgeschichte" 2.2: 33–52.
- Eschment, B. 1992 – B. Eschment, H.-H. Nolte, J. Vogt: *Nationenbildung östlich des Bug*, Hannover.
- Faber, K.-G. 1971. *Theorie der Geschichtswissenschaft*, München.
- Fawcett, E., H. Newcombe, eds. 1995. *United Nations Reform*, Toronto.
- Fischer 1999. *Der Fischer Weltalmanach 99*, Frankfurt.
- Fitzpatrick, S. 2000. *Stalinism. New Directions*, London.
- Gerschenkron, A. 1952. *Wirtschaftliche Rückständigkeit in historischer Perspektive*, German in R. Braun Hg.: *Industrielle Revolution, Wirtschaftliche Aspekte*, Köln.
- Hables, G.C. 1997. *Postmodern War*, London.
- Haftendorn, H. 1999. *Der gütige Hegemon*, in: "Aus Politik und Zeitgeschichte" 29–30: 3–11.

- Hanson, S. W. Spohn 1995. *Can Europe work? Germany and the Reconstruction of Postcommunist Societies*, Seattle.
- Hauptmeyer, C.-H. 2001. *Niedersachsen in Spätmittelalter und Früher Neuzeit*, in: "Zeitschrift für Weltgeschichte" 2.2: 53-78.
- Hechter, M. 1975. *Internal Colonialism*, London.
- Heimpel, H. 1957. *Entwurf einer Deutschen Geschichte*, Rektoratsrede 1953, in: *Ders. Der Mensch in seiner Gegenwart*, Göttingen: 162-195.
- Heller, K. 1987. *Russische Wirtschafts- und Sozialgeschichte*, Darmstadt.
- Henderson, H. 1996. *Building a Win-Win World, Life beyond Economic Warfare*, San Francisco.
- Heuß, A. 1969. *Zur Theorie der Weltgeschichte*, Berlin.
- HGR = Manfred Hellmann, Klaus Zernack, Gottfried Schramm Hg.: *Handbuch der Geschichte Rußlands*, Vol. 1 ff. Stuttgart 1977 ff. (still forthcoming).
- Hoch, M. 2001. *Krieg und Politik im 21. Jahrhundert*, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte* 20: 17-25.
- Hofbauer, H., A. Komlosy 2000 in Review.
- Hroch, M., L. Klusakova, eds. 1996. *Criteria and Indicators of Backwardness*, Prague.
- Inforegio 1999. European Union Ed.: *Regional Policy and Cohesion*, Brussels.
- Kappeler, A. 1992. *Rußland als Vielvölkerreich*, München.
- Kennedy, P. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers*, New York.
- Koningsbrugge, J.S.A.M. 1991. *The "Generaliteitslanden" as a Periphery of the Republic*, in Nolte 1991, Vol.1: 119-131.
- Koselleck Reinhart u.a. 1992. *Volk, Nation, Nationalismus, Masse* in: O. Brunner u.a. Hg.: "Geschichtliche Grundbegriffe" Vol. 7, Stuttgart: 141-431.
- Kriedte, P., H. Medick, J. Schlumbohm 1977. *Industrialisierung vor der Industrialisierung*, Göttingen.
- Krüger, P. 1996. *Das europäische Staatensystem im Wandel*, München.
- Kundera, M. 1984. *Un occidént kidnappé*, German in: "Kommune" 2: 43-52.
- Landes, D. 1999. *Wohlstand und Armut der Nationen*, German Darmstadt.
- Longerich, P. 1998. *Politik der Vernichtung*, München.
- Menzel, U. 1993. *Geschichte der Entwicklungstheorie*, Hamburg.

- Mikhnjuk, U.M., ed. 1995. *Njamecka-jashycki genacid na Belarusi*, Minsk.
- Nitz, H.-H., Hg. 1993. *The Early Modern World-System in Geographical Persepctive*, Stuttgart.
- Nolte, H.-H. Hg. 1996. *Deutsche Migrationen*, Münster.
- 1969. *Religiöse Toleranz in Rußland 1600-1725*, Göttingen, *Verständnis und Bedeutung der religiösen Toleranz in Rußland*, in: "Jahrbücher für Geschichte Osteuropas" 17: 494-530.
- 1975. *Drang nach Osten. Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion*, Frankfurt
- 1979. *Gruppeninteressen und Außenpolitik. Die Sowjetunion in der Geschichte internationaler Beziehungen*, Göttingen
- 1982. *The position of eastern Europe in the international system in early modern times*, in: "Review" 6/1: 25-84.
- 1991. "Internal Peripheries in European History/Innere Peripherien in der europäischen Geschichte" (Vol. 1) Göttingen, (Vol. 2) Stuttgart 1996, (Vol. 3) Stuttgart 2001.
- 1991b. *Tradition des Rückstands: ein halbes Jahrtausend Rußland und der Westen*, in: "Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte" 78: 343 - 364
- 1993. "Die eine Welt", 2. Hannover 1993.
- 1995. *Wohin mit Osteuropa? Überlegungen zur Neuordnung des Kontinents*, in *Aus Politik und Zeitgeschichte* 22.IX.1995: 3-11.
- 1995a. *From Andalucia to Tatarstan. Comparing Internal Peripheries in Early Modern Europe*, in "Review" XVIII/1: 261-280.
- 1998. *Kleine Geschichte Rußlands*, Stuttgart.
- 2001. «Schlechte Wege und billige Arbeiter». *Nationenbilder an der wandernden Grenze zur Halbperipherie*, in: "Sozialwissenschaftliche Informationen" 30,1: 64-54.
- Nolte, W., H.-H. Nolte 1984. *Ziviler Widerstand und Autonome Abwehr*, Baden-Baden.
- North, D., R. Thomas 1973. *The Rise of the Western World*, Cambridge.
- Nötzel, K., Hg. 1920. N.J.Danilewsky, *Rußland und Europa*, Stuttgart.
- Polanyi, K. 1957. *The Great Transformation*, German 1977.
- Poljan, P., H.-H. Nolte 2001. *Massenverbrechen in der Sowjetunion und im nationalsozialistischen Deutschland. Zum Vergleich der Diktaturen*, in: "Zeitschrift für Weltgeschichte" 2,1: 125-148.
- Rein, A. 1953. *Über die Bedeutung der überseeischen Ausdehnung für das europäische Staatensystem*, Nachdruck Darmstadt 1965.

- Reinhard, W. 1983 ff. "Geschichte der europäischen Expansion", Vols. 1–4, Stuttgart.
- Ritter, G. 1946. *Geschichte als Bildungsmacht*, Stuttgart.
- Rosenberg, N., L.E. Birdwell 1986. *How the West grew rich*, London.
- Rothermund, D. 1998. *Globalgeschichte, Weltgeschichte, Universalgeschichte* in: *Beiträge zur Historischen Sozialkunde*, Sondernr: 4–10.
- Russett, B., J. Oneal 2001. *Triangulating Peace*, New York.
- Samin, A. et al. 1982. *Dynamik der globalen Krise*, Opladen 1986.
- Scherrer, C. 1996. *Ethno-Nationalismus im Weltsystem*, 2. Vols. Münster.
- Schulin E., Hg. 1974. *Universalgeschichte*, Köln.
- Segbers, K. 1987. *Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg*.
- Stallings, B., ed. 1995. *Global Change, Regional Response*, Cambridge.
- Stemplowski, R., ed. 2001. *Prospects for EU-US Relationships*, Warszawa.
- Szücz, J. 1983. *Die drei historischen Regionen Europas*, Frankfurt 1994.
- Topolski, J. 1996. *Eastern Poland during Socialist Industrialization*, in Nolte 1991, Vol.2 1996: 227–236.
- Tracy, J., ed. 1990. *Merchant Empires*, 2 Vols. Cambridge.
- Tschajanow, A. 1923. *Die Lehre von der bäuerlichen Wirtschaft*, German 2. Frankfurt 1987.
- Tschizewski D. 1974. *Russische Geistesgeschichte*, München.
- Tschizewski D., D. Groh, Hg. 1959. *Europa und Rußland*, Darmstadt.
- Ueberschär G., L. Bezymenski, eds. 1998. *Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941, Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese*, Darmstadt.
- Ueberschär, G. 1992. "Rußland ist unser Indien". Das "Unternehmen Barbarossa" als Lebensraumkrieg, in: Nolte 1992: 78–94.
- Wallerstein, I. 1974 ff. *The Modern World-System* Vol. 1 ff. New York.
- 1983. *Historical Capitalism* London.
- 1991. *Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*, Cambridge.
- u.a. 1996. *Die Sozialwissenschaften öffnen*, Frankfurt.
- 2001. *Wegbeschreibung der Analyse von Welt-Systemen, oder: wie vermeidet man, eine Theorie zu werden?* In: "Zeitschrift für Weltgeschichte" 2.2: 9–32.
- Wegner B., Hg. 1991. *Zwei Wege nach Moskau*, München 1991.
- Weinberg, G. 1994. *A World at Arms. A Global History of World War II*, New York.

- 2001. *Wo bleibt amerikanische Geschichte an deutschen Universitäten?*, in: "Zeitschrift für Weltgeschichte" 2,2 , forthcoming.
- White, C. 1987. *Russia and America. Roots of economic divergence*, Beckenham.
- Wittram, R. 1958. *Das Interesse an der Geschichte*, 2. Göttingen 1963.
- 1969. *Anspruch und Fragwürdigkeit der Geschichte*, Göttingen.

С английского перевел А. Юрасовский
(Перевод не авторизованный)

Статья из сборника: "The European Union in the World System Perspective", Ryszard Stemplowski (ed.), *Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa 2002*, s. 9–44.